

ФИЛОСОФИЯ

УДК 111:316.42

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-391-401>

EDN: VKOJCU

Поступила: 01.12.2023

Принята: 25.05.2024

Опубликована: 03.10.2024

БОРЬБА ЗА БЫТИЕ В СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

*Огородников Александр Юрьевич**Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (Москва)**Руппель Елена Юрьевна**Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (Омск)*

Цель статьи — эксплицировать понятие «бытие» в символической реальности, проследить причины существенного роста интереса к языку, коммуникативному пространству в современной философии, показать, что символ не только выступает средством коммуникации, но и является необходимой составляющей творческого отношения человека к реальности. Основные сомнения в бытии теперь сконцентрированы не в познавательной субъект-объектной системе и даже не в феноменах сознания, а в релевантности символической реконструкции реальности, функциональной соотносимости символа–образа–вещи. В философии XX в. символическая система становится основным полем знания о бытии, о вещах. Сознание и внешний мир все чаще рассматриваются лишь как результат описания. Логика языка на несколько десятилетий становится основной, но шаткой опорой в поиске объективного средства познания. Если рассматривать символическую систему только как средство коммуникации, то упускается ее главная функция — живая связь с бытием, реконструкция его целостного образа, недоступная эмпирическому опыту. Язык — это не только описание, понимание, но и конструирование, творческая мысль. Цель его — использование — не может сводиться к поддержанию коммуникативного пространства. Он закладывает вектор творческого преобразования реальности. В концептах вещей заложено представление об их потенциале, нераскрытых свойствах, недоступных эмпирическому восприятию, но познаваемых через именование, определение и воплощение. В работе приводятся три примера, в которых чувства подлинности бытия и связи с ним выводятся не из рационально-логического познания и символического обмена, а через творческое отношение, воплощение мысли о заложенном в вещи потенциале в реальность: в процессе создания вещи по собственному проекту; в соборном воспроизводстве народной культуры, привязанном к повседневности; в воспитании личности в соответствии с предоставлением о должном для личности, учении об идеале. В этих примерах подлинность бытия обнаруживается на основе отклика в сознании от дискурсивно определяемых воплощенных результатов творчества.

Ключевые слова: символическое пространство, логика языка, языковые игры, бытие, творчество, подлинность бытия, современная философия, философия имени.

Для цитирования:

Огородников А.Ю., Руппель Е.Ю. Борьба за бытие в символической реальности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 391–401. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-391-401>.
EDN: VKOJCU

THE STRUGGLE FOR BEING IN SYMBOLIC REALITY

Aleksander Yu. Ogorodnikov

Kutafin Moscow State Law University (Moscow)

Elena Yu. Ruppel

Siberian State Automobile and Highway University (Omsk)

The purpose of the article is to explicate the concept of «being» in symbolic reality, to trace the reasons for the significant growth of interest in language, communicative space in modern philosophy, to show that the symbol not only acts as a means of communication but is the basis of a person's creative attitude to reality. The authenticity of presence in being does not follow from cognitive subject-object relations to things, but from the embodiment of a symbolic image formed in consciousness and discursively shared with others. In the philosophy of the 20th century, the symbolic system becomes the main field of knowledge about being, about things. Consciousness and the external world are increasingly viewed only as a result of description. The logic of language remains the only support in the search for an objective means of cognition. If we consider the symbolic system only as a means of communication, then its main function is missed — a living connection with being. Language is not only a description, an understanding but also construction, creative thinking. The definitions of things contain the idea of their potential, undisclosed properties, inaccessible to empirical perception, but cognizable through naming, definition. The paper gives three examples in which the feelings of authenticity of being and connection with it are derived not from rational and logical cognition, but through a creative attitude, the embodiment of the idea of the potential inherent in things: in the process of creating things according to their own project; in the collective reproduction of folk culture, tied to everyday life; in the education of the individual corresponding to the idea about the proper, ideal person. In these examples, the authenticity of being is revealed based on the response in consciousness from the discursively determined results of creativity.

Keywords: symbolic space, logic of language, language games, being, creativity, authenticity of being, modern philosophy, philosophy of name.

To cite:

Ogorodnikov A.Yu., Ruppel E.Yu. [The struggle for being in symbolic reality]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 391–401 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-391-401>. EDN: VKOJCU

Введение

Греческая философия открыла понятие «бытие» и его возможности как элемента нашего сознания. Мир стал целостным, закономерным, предсказуемым. Христианство указало на становление бытия, на развитие как раскрытие сущности предметов. Проектирование развития стало делом философов, богословов, ученых. Наибольшего пафоса идея бытия достигла в концепте прогресса, стремящегося подчинить бытие, приручить его для создания оптимальной жизненной среды человека, в которой все упорядочено, прогнозируемо, служит желаниям разума. Но

уже в XVIII в. многим философам (Дж. Беркли, Д. Юм, И. Кант и др.) становится понятно, что «приручить» бытие невозможно. Либо оно живет по своим, неведомым нам законам, либо его не существует. Сомнения в возможности управлять бытием и построить закономерный планируемый мир разрослись в масштабах всего человечества после катастроф XX в.

В философии начался период болезненных поисков возможностей найти или защитить бытие. Пусть и неосознанно, в этот процесс вовлечены С. Кьеркегор, Ф.М. Достоевский, Ф. Ницше, В.С. Соловьев. Вдохновленные Кантом, бытие искали вначале в нравственном за-

коне, в воле и созидательной силе человека. Нравственность, право, государство, религия стали маяками подлинности бытия, его формами, в которых философ обретал гарантию актуальности его мыслей, общего понимания объективности, логики существования мира. Незаметно фокус познания бытия переместился из внешнего мира в абстрактную сферу сознания, в сферу господства субъекта. Чтобы уйти от давления столь рационального и тотально логического понимания бытия, достигшего апогея у Г.Ф. Гегеля, философы обратили внимание на красоту как критерий подлинного, объективно бытийствующего. Они переместили поиск объединяющего начала в понимании мира с логики его устройства на переживание его совершенствования и на стремление к прекрасному. Первыми эти идеи обосновано сформулировали Ф. Шеллинг, Ф. Шиллер, Ф. Гельдерлин и др.

Дух романтизма XIX в. не дал возможности разрешить противоречие между стремлением к совершенным, красивым идеям, к прекрасному и борьбой в социальном бытии, конфликтами, жестокостью человека. Желание власти над природой, другими, над Духом, поддерживаемое позитивизмом в философии, технологиями в науке и империями в социуме возобладали. «Бытие» как концепт стало определяется через призму научно-технологического видения, материализма, воли к власти.

Ожидания не оправдались, и ужас от Первой мировой войны, крушения империй, переустройства мира, буйства техники заставил отказаться от представления о грубом, материальном, но управляемом разумом бытии. Возникло отторжение от реальности, захотелось скрыться от такого мира, в котором воля и разум ведут к трагедии. Скрыться не удалось, проблема бытия осталась. Но теперь оно уже не представлялось как потенциал совершенного, прекрасного или как возможность проявить силу и величие разума. Мысль стала более осторожной, теперь она меньше доверяет себе, важен стал дискурс и построение коммуникативного пространства. Отказ от материальной основы бытия перевел фокус внимания на ее противоположность, на символическое пространство бытия. Символическая система, и в первую очередь язык как основа сознания, становится главной, а может, и единственной реальностью, доступной для рефлексии разумом:

«Язык есть просветляюще-утаивающее явление самого Бытия» [Хайдеггер М., 1988, с. 324].

Трансформация действительности в символическую реальность

В разных странах, философских направлениях в первой четверти XX в. появляется тяга к изучению языка как главной или единственной связи с бытием, гарантии реальности мира. В России П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев занялись проблемой имени как проявлением Духа, и проблемой символа как связи сознания с Божественным бытием. П.А. Флоренский указывал на объективность смысла и энергии в имени, через которое человек касается сущности вещи: «Человечество, всегда и везде утверждая имена в качестве субстанциальных сил или силовых субстанций или энергий, имело же за собою подлинный опыт веков и народов, вылившийся в вышеуказанной форме» [Флоренский П.А., 1998, с. 196]. Символы в его философии выводятся на первый план познания, они «суть органы нашего общения с реальностью. Ими и посредством их мы соприкасаемся с тем, что было отрезано до тех пор от нашего сознания» (Флоренский П.А., цит. по [Нижников С.А., 2011, с. 68]). Мы считаем, что такое смешение понятий «символ» и «имя» расшатывает онтологический статус последнего. Имя проявляет в себе гораздо большую реальность, чем смысл понятия. Оно гораздо масштабнее коммуникативной формы. В нем проявляются связи бытия.

Для С.Н. Булгакова понятие не является чистым символом, элементом коммуникации, а всегда несет в себе конструирующий смысл. В «Философии Имени» он раскрывает природу слова через проявление Логоса, Божественной идеи о мире. В слове кристаллизуется творящая мир энергия, космос говорит с нами, открывает себя нам в слове: «Слова-идеи суть голоса мира, звучание вселенной, ее идеация <...> в словах содержится энергия мира, словотворчество есть процесс субъективный, индивидуальный, психологический только по форме существования, по существу же он космичен» [Булгаков С.Н., 1953, с. 25]. А.Ф. Лосев отождествляет слово с сознанием как высшей духовной способности человека, проникающей в сущность вещей за их материальную оболочку: «Слово — орудие деятельности духа... путем этой деятельности дух облакает свое неподвиж-

ное природное бытие живым и подвижным лицом и образом» [Лосев А.Ф., 1997, с. 97]. В его подходе только через имя познается действительность, мир структурируется, осваивается: «Имя <...> открывает вещь, рисует вещь, определяет вещь» [Лосев А.Ф., 1997, с. 191]. Обе эти концепции имеют логическую уязвимость. В них слово или символ сам по себе является бытием, несет созидательную энергию. Но символ требует интерпретатора, который вкладывает свое субъективное декодирование смысловой конструкции, возможно искажающее бытийные свойства обозначаемого предмета.

В Западной Европе одни из первых Б. Рассел и Л. Витгенштейн пересмотрели логику языка, положив ее в основу не только познания, но и структуры самого бытия, по крайней мере, того, как мы ее можем осознать: «Изображать в языке нечто “противоречащее логике” столь же невозможно, как и изображать в пространственных координатах фигуру, противоречащую законам пространства, или же указывать координаты несуществующей точки» [Витгенштейн Л., 1994, с. 10–11]. В языке очерчиваются границы познания; борясь с языком, человек пытается раздвинуть эти границы. Э. Кассирер в основу познания и существования человека закладывал символическую систему как новый универсум, в котором живет человек. В США Ч. Пирс развил представление о знаке как критерии истины, соответствии его реальности, представляющейся нам как основа практической деятельности. В этих теориях была сделана попытка объективизировать процесс интерпретации символа через успех коммуникации или прагматику использования понятий. Но онтологическая опора здесь была заменена пространством языка, его рефлексией, требованиями.

В социальной теории проблема символа, знака, языка в середине XX в. также выходит на первый план. Например, П. Бурдьё символическое пространство рассматривает как основной упорядочивающий общество фактор, классифицирующий практики, ресурсы в социальные поля. Субъекты социальных отношений находятся в состоянии постоянной борьбы за изменение категорий восприятия и оценивания социального мира. Побеждающий в этой борьбе завоевывает авторитет. П. Бергер видел основной скрепой общества символический универсум, образующий общие представления о про-

екте социальной реальности и индивидуальных мотивациях, направленности социального участия. Н. Луман проследил механизм генезиса и функционирования смыслов в самоорганизующихся социальных системах, установил роль смыслов в процессе самоидентификации. Любая система, по мнению Н. Лумана, может существовать и развиваться только в том случае, если в ней сформированы механизмы отбора, обработки и рефлексирования информации. Смысл определяет практически, какие схемы получения и переработки информации оправданы с точки зрения возможностей для трансформации системы. Чтобы восприятие смысла имело своим результатом действие или внутреннее изменение системы, по Луману, должно быть «понимание» — особая форма приращения смысла, в которой «переживание смысла или осмысленное действие проецируются на иные системы с собственным различием “система/окружающий мир”» [Луман Н., 2007, с. 114]. Онтологическая опора в этих теориях уступила место социальной.

Философия постмодернизма восприняла тотальность символической реальности как шанс реконструировать сознание своих приверженцев. Ж. Делез рассматривает представления о «реальности» как концепты, в которых фокусируются свойства, приписываемые предметам. Теперь реальность состоит не из предметов с объективно присущими характеристиками, а как бы из искусственно интеллектуально созданных «предметов»-концептов, жизнеспособных в отдельной мысленно созданной среде, в системе координат философа. Концепт события, его существование условно, привязано к времени сообщения о нем. Ж. Лиотар указывает, что легитимность знания рождается в языковых играх, о которых в контексте логики коммуникации говорил Л. Витгенштейн. Наше представление о мире рождается в «узлах линий коммуникаций» [Лиотар Ж., 1998, с. 45]. Имя является той первичной реальностью, которая создает социальные структуры, доказывает реальность любых предметов. Победа в «языковой игре» означает утверждение способа и ситуации использования слов и их смыслов, тем самым закрепляется понимание реальности, нужной коммуникатору. Ж. Деррида переводит философский дискурс на уровень понятий, письма, борьбы за понимание терминов. Даже

базовые представления о мире, например, об отце, о матери, об организме, являются лишь языковыми формами, посредством рационализации внедренные в сознание: «Та рациональность, которая управляет письмом в его расширенном и углубленном понимании, уже не исходит из логоса; она начинает работу деструкции: не развал, но подрыв, де-конструкцию всех тех значений, источником которых был логос» [Деррида Ж., 2000, с. 124]. П. Рикер сделал попытку собрать человека заново, вернуть ему целостность, единый образ, преодолеть противоречия социальной роли, самосознания, восприятия других, индивидуальной воли и политико-правового давления. Решить эту задачу он попытался через структурирование языка как системы символов: «Рикеровская версия герменевтики направлена на интерпретацию человеческих творений как символически-опосредованных устремлений» [Медведев Н.В., 2012, с. 253]. Даже время и пространство нами мыслится как описание, т.е. включено в нарратив, в котором актуализируется «временной опыт» [Рикер П., 1998, с. 11]. Обусловленность реальности языком как средством описания почти полностью разрывает связь сознания и бытия. В этих подходах мир символов и коммуникации — это все, о чем мы можем мыслить как о предмете. Но тогда и само сознание становится концептом, а мысли — только нарративом. Бытийной основы в них нет. Ряд современных философов, например, Джон Серл, обратили внимание на опасность подмены сознания функцией коммуникации [Searle J.R., 2002, p. 18–20].

Таким образом, символическая реальность стала главным полем борьбы за человека, либо за его целостность и представление о единстве мира, либо за интенциональность личности, влекомой описанием, приятным словом, самоутверждением в дискурсе. В неклассической философии часто утверждается первичная хаотичность, неупорядоченность и бессмысленность бытия. Здесь язык — доступное познанию поле бытия, его представление нам. Онтологическое решение проблемы, на наш взгляд, заключено в понимании символической реальности как духовной творческой основы бытия, а языка — как способа его познания и творчества.

Поиск подлинности в символическом пространстве

Замена бытия эмпирического бытием символическим оказалась не так комфортна для сознания, как это предполагали философы в конце XX в. Мир символов настолько глубоко затрагивает наш внутренний мир, что его противоречия, влияние извне, манипуляции другими существенно острее отражаются на состоянии души, самоосмыслении, психической гармонии, чем противоречия внешнего мира. В романе Л.Н. Толстого «Война и мир», когда Пьер Безухов оказался в плену у французов, он понял, что зависимо от них только его тело. Душа свободна, мысль независима. Здесь обнаруживается мысль, сказанная в Евангелие: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф. 10:28). Образ бытия в сознании независим от языковых игр или полей коммуникации.

Когда символическая реальность становится основой, гарантом подлинности бытия и за нее разворачивается борьба, даже самосознание попадает в зависимость от трансформаций символов, от субъектов, конструирующих слова и смыслы. Раньше преграда эмпирического защищала самосознание, внутренний мир, личную мысль, внутреннее Я. Тотальное символическое пространство проникает за эту преграду, разделяющую внутренний и внешний мир. Сегодня человек привыкает к перманентному потоку смыслов, захватывающих внимание, стимулирующих интерес. Остальное пространство бледнеет перед ними, теряет привлекательность, значимость. В результате чувство целостности и осязаемости мира теряется. Представим местность в сумерках, где есть поселки, поля, лесные участки и множество дорог. Дороги ярко освещены. Человек, идущий по одной из них, видит только дорогу, яркий свет не дает ему рассмотреть, что лежит за пределом дороги. Куда бы он ни пошел, уверенность в пространстве, четкая ориентация у него будет только на одной из этих дорог. Сами поселки, места, куда можно пойти, почти не видны. Аналогично, когда индивид участвует в распространении цифровой экономики, в маркетинговой деятельности, погружен ли он в мир новостей и социальных сетей, в потоки информации о его профессии, он видит коммуникацию, вовлечен в процесс аккумуляции и

передачи информации. Результат этой деятельности, ее цель, и тем более онтологические основания для него остаются в тени процесса. Реальность распадается на фрагменты, где дискурсивно осмысливается какой-либо вопрос, позиция. Фрагментированность коммуникативной реальности проникает и в сознание. Релятивизм образов бытия в сознании ставит под сомнение возможность наличия сущности у вещи, объективность присутствия предметов.

Узкий коммуникативно-утилитарный подход к символу, захвативший сознание философов с середины XX в., ранее был чужд мыслителям. Напротив, как было показано в первой части статьи, преобладало понимание, что имя, слово направляет сознание человека к сущности вещи. В этом проявляется творческая способность в символе воссоздавать реальность в ее целостности: «Бог говорит Адаму: “будь, Адам, творцом имен, коль скоро ты не можешь быть творцом самых тварей... Мы делим с тобой славу творческой премудрости. Пусть познают Меня, как Зиждителя по закону естества, тебя же, как владыку по смыслу именованья. Давай имена тем, кому Я дал бытие”» (Василий Селевкийский, цит. по [Митрополит Иларион (Алфеев), 1991, с. 47]). В имени реконструируется образ предмета, смысл его присутствия для субъекта. Имя, понятие символизируют весь предмет, включая его в целое, находя ему место в бытии. Еще у Аристотеля понятие соотносится с топосом, речевой ситуацией, в которой оно используется. Так, использование символа не нарушает, а восстанавливает целостное представление о бытии в сознании.

Современное символическое пространство теряет связь с бытием, с сущностными свойствами, даже с феноменами. Оно имитирует бытие, создает кажущуюся реальность, где человек может на короткое время почувствовать себя независимым творцом, способным создать все, что угодно, но результат будет виртуален и удовлетворения не принесет. Символ возникает в сознании человека при восприятии вещи, обнаружения ее бытия как связи с самой собой. Кажется, что достоверность бытия вещи основана на реакции познающего. Но иллюзия растворяется, когда становится понятно, что в сознании не отражается сама вещь, а ее имя или онтологический образ, в котором символично заключено то существенное, что значимо для

меня или для создателя символа. Поэтому символ не сводим к операционализации эмпирического опыта. Хотя в ряде случаев он может пониматься как сконструированный для-другого образ, фокусирующий внимание не на воспринимаемых свойствах, а на значимости бытийного присутствия вещи. Например, говоря о государстве, мы указываем не на эмпирические свойства, не на вещь непосредственно, а на символическую реальность, например, на структуру авторитетов, влияющих на сознание, ассоциирующихся с легитимным способом властного воздействия. Включая в дискурс понятие «государство», мы уже говорим о его онтологической важности, определяющей онтологический статус власти, характера управления.

Считаем, что возврат к целостности видения бытия и придание бытийствования символической реальности осуществляется через восстановление значимости образа как «якоря» бытия в сознании, соотнесение понятий с конкретными эмпирически воспринимаемыми вещами, объединенными творческим процессом поиска их существенных свойств в конкретной для субъекта ситуации, но в целостной среде. Тогда мир снова зазвучит для человека. Взаимодействие с цифровой реальностью, искусственным интеллектом заключается в управлении алгоритмом, передаче команд, запускающих цепь логических операций. Получение смыслов из такой среды не связано с именем, с бытием какой-либо вещи. Цифровая символическая реальность отвечает логико-механически, имитирует коммуникацию или творчество, даже если «рисует» картину или «сочиняет» музыку. Искусственный интеллект опирается на «алгоритмы, разработанные с целью анализа и понимания данных из уже существующего набора» [Moruzzi С., 2021, р. 14], использует модели, которые «могут предсказывать связанные с ними характеристики и генерировать новые данные, аналогичные тем, которые предоставляет обучающий набор» [Moruzzi С., 2021, р. 14]. Творчества здесь нет, как нет в таком взаимодействии реализации потребности в субъектном отношении к бытию, нет чувства присутствия в нем. Когда же внимание субъекта возвращается к со-присутствующей вещи, то возможность ее назвать и одновременно почувствовать общность бытия с ней восстанавливает в человеке творческую уверенность, субъек-

ектное достоинство личности, способность обозначать, различать и осмысливать бытие: «Событие есть внутренне мерцающая область, в которой соприкасаются человек и бытие в своей сущности и достигают своей сущностной природы <...> материал для самосозидания этого парящего строения мышление берет из языка <...> наша сущность обособилась (vereignet) в языке, мы обитаем в Событии» [Хайдеггер М., 1991, с. 77].

Чувство подлинности воспринимаемого бытия усиливается в реализации возможности воплотить символический образ в эмпирическом пространстве, в вещи, сконструировать средудля-себя в творческой интенции. Удостоверение в подобии символического образа и эмпирического результата придает символу как началу творчества и как элементу, связующему сознание и бытия, когда «мы схватываем прозрение взаимопринадлежности человека и бытия» [Хайдеггер М., 1991, с. 78]. Прежде, чем раскрыть данную мысль, приведем три примера.

Первый пример. Когда человек создает какое-либо изделие по собственному проекту, он видит, как идеальная модель воплощается в эмпирическую реальность. Символ предмета, возможность его описать, объяснить важность создания в конкретной ситуации ведут к эмпирическому удостоверению возможности связи символа и преобразуемой действительности, т.е. обуславливают общность бытия символа в сознании и внешней реальности. Изделием может быть как произведение искусства, так и любые сложные артефакты, например, дом, ландшафтный дизайн, техническое изобретение. Важно, чтобы это была не копия, а вещь, созданная на основе индивидуального проекта, собственной идеи. В этом делании человек преобразует бытие, управляет им, чувствует не отчужденность, а связь с миром, выполняя свою главную задачу: «И да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею» (Быт.1:26).

Второй пример. Приобщение индивида к действиям по воспроизводству народной культуры позволяет ему, взяв извне состояние и особое традиционное проживание постоянства реальности, почувствовать в соборном единстве общее состояние, источником которого являются не формальные социальные смыслы,

социальные роли, а повседневная жизненная коммуникация, обычаи и обряды, соответствующие внутренним состояниям человека. Такому действию «присущи органичная взаимосвязь всех явлений, естественное вытекание одного из другого» [Белов В.И., 2013, с. 490]. Личность не только воспринимает внешнюю красоту, но и участвует в ее созидании и коллективном проживании, сохраняя свою индивидуальность, видит, что «каждая личность по своему талантлива, иными словами, своеобразна» [Белов В.И., 2013, с. 491].

Третий пример связан с воспитанием человека. Процесс воспитания требует очень точного использования символов разного рода, от языка и изображений до различных материальных предметов. Он исходит из представления о должном для личности, из образа, какой она должна стать: «Извне навязанное должно через воспитание стать внутренне необходимым» [Зеньковский В.В., 1934, с. 35–36]. Но в отличие от первых двух примеров, здесь появляется проблема Другого. Воспитуемый не станет точно таким, каким его видит воспитатель. Даже ребенок, био-социо-духовно связанный с родителями, получивший от них хорошее воспитание, не будет точно соответствовать видению его родных. Отклонения могут быть очень существенны, что, однако, не говорит о плохом воспитании. В любом коммуникативном процессе реципиент остается свободным в восприятии информации (за редкими исключениями гипноза, манипулирования). В этом примере коммуникация наиболее комплексная, постоянная и естественная, хотя и культурно детерминирована. Восприятие Другого как инаковость бытия с иными смыслами делает символическое пространство многомерным, динамичным, интересным. Появляется интрига в векторе генезиса нового символического пространства другой личности. В первом примере творчества с Другим не было, во втором оно было ситуативным и спонтанным, здесь оно постоянно и целенаправленно. В таком частично непредсказуемом созидании чувство подлинности бытия также становится постоянным.

Эти примеры показывают, что смыслы, кристаллизованные в символах и воплощаемые в бытии, высвобождают духовный потенциал. Действующий субъект открывает для себя «экзистенциальную независимость от органиче-

ского, свободу, отрешенность от принуждения и давления» [Шелер М., 1988, с. 53]. В творчески создаваемых образах человек способен «определить собственное физиологическое и психическое состояние и даже каждое отдельное психическое переживание» [Шелер М., 1988, с. 56]. Тем самым индивид чувствует свою независимость не только от внешнего, но и от внутреннего бытия. В трех приведенных примерах достоверность бытия утверждалась на основе его рефлексии и последующей реконструкции. Человек способен быть не согласным с бытием и свое несогласие может выразить в символической системе. Возможно, это ее главная задача. За несогласием следует изменение, творческое воздействие, воплощение идеальных смыслов (пусть даже искаженное) в реальность. Борьба за бытие становится борьбой за возможность творческого воплощения смыслов в реальность, их овеществление и преодоление виртуальности символического пространства.

В завершении нам остается ответить на один важный для современной философии вопрос: что, если творческое конструирование относится не к бытию, а только к нашему сознанию, где основания говорить о соответствии символического идеализированного образа получаемому во вне результату? Такие ответы, как «предмет становится не только сознанным, но и познанным тогда, когда он отличен от других предметов путем сравнения с ними, выделяющего его из их среды как нечто особенное» [Лосский Н.О., 1991, с. 345] или «нашу веру в то, что большинство наших ощущений имеет физические причины, укрепляет главным образом, с одной стороны, квазиобщественный характер многих ощущений» [Рассел Б., 2000, с. 202] сегодня не являются достаточно убедительными. Полностью устранить субъектность из присутствия результата творчества не получится, особенно когда мы включили в процесс познания символическую реальность. Но обнаружить связь с объективным бытием все же необходимо, чтобы вернуть онтологичность сознанию, объяснить связь символической реальности с творчеством, с раскрытием потенциала человека. В трех приведенных примерах присутствуют переживания индивида, вызванные созерцанием целостности созданной вещи, соборным осуществлением обряда или развитием

ребенка. Если бы эти переживания исходили исключительно из субъективного видения из созерцания образа в сознании, то везде, особенно во втором и третьем случае, было бы разочарование. Редкий родитель скажет, что ребенок развивается в полном соответствии с тем видением, которое есть у родителей. Единое понимание красоты и смысла обряда или тождественное отношение к воспроизводству народной культуры достигается крайне редко. В современном мире мы слишком разные и непредсказуемые, чтобы достичь общих интерпретаций творчества. Но в этих примерах доминирует не разочарование, а удовлетворение, восхищение, интерес к непредвиденному, доверие Другому. Где искать объективные основания этих чувств от результата, который не был предвиден в создании, стал неожиданностью, противоречием? Между нами и бытием есть живая связь. Творческое отношение к миру приводит к его совершенствованию, раскрывает сущностные свойства вещи. Такие изменения во внешнем бытии влияют на наше внутреннее бытие, придают личности чувство полноты, удовлетворенности. И для этого не обязательно видеть точное воплощение идеи, образа сознания во внешнем мире. Даже если познание вещи неточно и остается чувство тайны в познании, как, например, в познании генезиса личности ребенка для родителей, осуществление возможности присвоить имя вещи, через символическое видение творчески повлиять на нее и увидеть воплощенный результат воздействия, вызывает отклик в нашем сознании, создает уверенность в собственном бытии, что говорит о внешнем объективном источнике такого проживания.

Заключение

Символическая реальность существенно шире обмена символами и смыслами. Она не сводима к генезису и передаче информации. В основе мира символов лежит творческое отношение человека к бытию. Личность целенаправленно преобразует мир в соответствии со своим идеализированным представлением, которое с помощью языка может быть и коллективным конструктом, но, чтобы существовать, обязательно должно воспроизводиться в целостности индивидом самостоятельно. Воплощение смыслового конструкта в реальность, объяснение его

ценности другому, соучастие в совершенствовании реальности раскрывает потенциал человека, опредмечивает внешний мир, указывает на его подлинность, т.к. он способен быть предсказуемо изменяемым под влиянием смысла-идеи-слова в совместном действии разных индивидов, объединенных символическим пространством.

Когда людей на Земле стало слишком много и они слишком разные, чтобы установить единые объективные признаки социальных общностей, символическое пространство стало, напротив, контрастнее, упорядоченнее. Современные социологи утверждают, что интериоризированный смысл социального включения (Н. Луман), «символический универсум» (П. Бергер и Т. Лукман) или «символический капитал» (П. Бурдьё) являются основами социального структурирования. Но при таком подходе важно не потерять онтологическую основу социальной интеграции — творческое воспроизводство социального бытия, где символ является средством идентификации. Целью дискуссии является не символический обмен и даже не коммуникативное единство, а достижение единого образа общности, например, станы, и образа человека как творца и цели социальной организации. Символ изначально служил знаком единства или дружбы, когда камень или глиняная дощечка разламывалась и две части отдавались разным племенам, чтобы потом они, встретившись, узнали друг друга, вспомнили о договоре или о «старом друге» [Тетерук В.А., 2010, с. 167]. Сегодня пространство сжимается, к символу возвращается первоначальная функция. Мы узнаем близких людей по способности понимать, т.е. творить в соответствии с общим смыслом, выраженным в символической форме.

Список литературы

Белов В.И. Лад. Очерки народной эстетики. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. 512 с.

Булгаков С.Н. Философия Имени. Париж: YMCA-PRESS, 1953. 280 с.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч / пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 1–73.

Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.

Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в све-

те христианской антропологии. Париж: YMCA-PRESS, 1934. 269 с.

Лиотар Ж. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Лосев А.Ф. Имя: избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб.: Алетейя, 1997. 616 с.

Лосский Н.О. Избранное. М.: Правда, 1991. 624 с.

Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007. 644 с.

Медведев Н.В. Герменевтическая философия Поля Рикера // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 10. С. 252–256.

Митрополит Иларион (Алфеев). Антропология преподобного Симеона Нового Богослова: дис. ... канд. богословия. Загорск: Троице-Сергиева Лавра, 1991. 213 с.

Нижников С.А. Философия имени в России: становление и современная дискуссия. Часть 1. Имяславие П.А. Флоренского // Пространство и Время. 2011. № 4(6). С. 64–71.

Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы / пер. с англ. Н.В. Воробьева. М.: ТЕРА – Книжный клуб; Республика, 2000. 464 с.

Рикер П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ / пер. с фр. Т.В. Славко. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 314 с.

Тетерук В.А. Культурно-исторический анализ понятия «Символ» // Система ценностей современного общества. 2010. № 12. С. 167–174.

Флоренский П.А. Имена. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. 912 с.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / пер. с нем. В.В. Библихина // Проблема человека в западной философии: сб. переводов / сост. П.С. Гуревич; под общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 314–356.

Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: сборник / пер. с нем. Т.В. Васильевой и др.; под ред. А.Л. Доброхотова. М.: Высш. шк., 1991. 192 с.

Шелер М. Положение человека в Космосе / пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Проблема человека в западной философии: сб. переводов / сост. П.С. Гуревич; под общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95

Moruzzi C. Measuring creativity: an account of natural and artificial creativity // European Journal for Philosophy of Science. 2021. Vol. 11, iss. 1.

URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s13194-020-00313-w.pdf> (accessed: 23.12.2023). DOI: <https://doi.org/10.1007/s13194-020-00313-w>

Searle J.R. *Consciousness and Language*. N.Y.: Cambridge University Press, 2002. 280 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511606366>

References

Belov, V.I. (2013). *Lad. Ocherki narodnoy estetiki* [Harmony. Essays on folk aesthetics]. Moscow: Institute of Russian Civilization, 512 p.

Bulgakov, S.N. (1953). *Filosofiya Imeni* [Philosophy of the Name]. Paris: YMCA-PRESS, 280 p.

Derrida, J. (2000). *O grammatologii* [About grammarology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 512 p.

Florensky, P.A. (1998). *Imena* [Names]. Moscow: EKSMO-Press Publ., Kharkov: Folio Publ., 912 p.

Heidegger, M. (1988). *Pis'mo o gumanizme* [Letter on humanism]. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: sb. perevodov, sost. P.S. Gurevich, pod obsh. red. Yu.N. Popova* [P.S. Gurevich, Yu.N. Popov (ed.) The problem of man in Western philosophy: collection of translations]. Moscow: Progress Publ., pp. 314–356.

Heidegger, M. (1991). *Razgovor na proselochnoy doroge: sbornik* [Country path conversations: collection]. Moscow: Vyshaya Shkola Publ., 192 p.

Liotaer, J. (1998). *Sostoyaniye postmoderna* [The postmodern condition]. Moscow: Institut Eksperimental'noy Sotsiologii Publ., St. Petersburg: Aleteya Publ., 160 p.

Losev, A.F. (1997). *Imya: Izbrannye raboty, perevody, besedy, issledovaniya, arkhivnye materialy* [Name: Selected works, translations, conversations, research, archival materials]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 616 p.

Lossky, N.O. (1991). *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Pravda Publ., 624 p.

Luhmann, N. (2007). *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obschey teorii* [Social systems. An essay on general theory]. St. Petersburg: Nauka Publ., 644 p.

Medvedev, N.V. (2012). [Hermeneutic philosophy of Paul Ricoeur]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities]. No. 10, pp. 252–256.

Metropolitan Hilarion (Alfeev) (1991). *Antropologiya prepodobnogo Simeona Novogo Bogoslova: dis. ... kand. theolog. nauk.* [The anthropology of St. Simeon the New Theologian: dissertation]. Zagorsk: Troitse-Sergieva Lavra Publ., 213 p.

Moruzzi, C. (2021). Measuring creativity: an account of natural and artificial creativity. *European Journal for Philosophy of Science*. Vol. 11, iss. 1. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s13194-020-00313-w.pdf> (accessed 23.12.2023). DOI: <https://doi.org/10.1007/s13194-020-00313-w>

Nizhnikov S.A. (2011) [Philosophy of the name in Russia: formation and modern discussion. Part 1. Name-glorifying of P.A. Florensky]. *Prostranstvo i vremya* [Space and Time]. No. 4(6), pp. 64–71.

Ricoeur, P. (1998). *Vremya i rasskaz. T. 1: Intriga i istoricheskiy rasskaz* [Time and narrative. Vol. 1: Intrigue and historical narrative]. Moscow, St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 314 p.

Russell, B. (2000). *Chelovecheskoe poznanie: ego sfera i granitsy* [Human knowledge: its scope and limits]. Moscow: TERRA – Book Club Publ., Respublika Publ., 464 p.

Searle, J.R. (2002). *Consciousness and language*. New York: Cambridge University Press, 280 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511606366>

Sheler, M. (1988). [The human place in the cosmos]. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: sb. perevodov, sost. P.S. Gurevich, pod obsh. red. Yu.N. Popova* [P.S. Gurevich, Yu.N. Popov (ed.) The problem of man in Western philosophy: collection of translations]. Moscow: Progress Publ., p. 31–95.

Teteryuk, V.A. (2010). [Cultural and historical analysis of the concept of «Symbol»]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* [System of Values of Modern Society]. No. 12, pp. 167–174.

Wittgenstein, L. (1994). [Logical-philosophical treatise]. *Vitgenshtein L. Filosofskie raboty: v 2 ch.* [Wittgenstein L. Philosophical works: in 2 parts]. Moscow: Gnosis Publ., part 1, pp. 1–73.

Zenkovsky, V.V. (1934). *Problemy vospitaniya v svete khristianskoy antropologii* [Problems of education in the light of Christian anthropology]. Paris: YMCA-PRESS, 269 p.

Об авторах

Огородников Александр Юрьевич

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и социологии

Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9/2;
e-mail: oau2005@yandex.ru
ResearcherID: АЕК-5998-2022

Руппель Елена Юрьевна

доцент, доцент кафедры физики и математики

Сибирский государственный
автомобильно-дорожный университет,
644080, Омск, пр. Мира, 5;
e-mail: ruppeleu@mail.ru
ResearcherID: JQV-8330-2023

About the authors

Aleksander Yu. Ogorodnikov

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy
and Sociology

Kutafin Moscow State Law University,
9/2, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow,
125993, Russia;
e-mail: oau2005@yandex.ru
ResearcherID: AEK-5998-2022

Elena Yu. Ruppel

Docent, Associate Professor of the Department
of Physics and Mathematics

Siberian State Automobile and Highway University,
5, Mira av., Omsk, 644080, Russia;
e-mail: ruppeleu@mail.ru
ResearcherID: JQV-8330-2023